

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 61 (3872)

Четверг, 22 мая 1958 г.

Цена 40 коп.

СЕГОДНЯ в столицу нашей Родины прибывает выдающийся государственный деятель, Президент Финляндской Республики Урхо Кекконен. В его лице мы приветствуем дружественный талантливый и трудолюбивый финский народ, к которому советские люди издавна питают искреннюю любовь и уважение.

В памятный для финского народа день — день провозглашения самостоятельности Финляндии — в хельсинкском парке Кайвопуэсто была посажена ель. Любимою оберегаемая, она растет вот уже более сорока лет. Финский народ помнит о том, что свою государственную независимость он получил благодаря поддержке социалистической России.

Советский Союз и Финляндия — соседи, и они проявляют обоюдное желание жить, как подобает добрым соседям, — в мире и дружбе.

Советско-финляндские отношения, основанные на взаимном уважении, на твердых принципах равенства, невмешательства во внутренние дела друг друга, на стремлении создать спокойную обстановку в Северной Европе и упрочить всеобщий мир и дружбу между народами, служат наглядным примером жизнеспособности политики мирного сосуществования.

Совсем недавно наши страны торжественно отметили десятилетие советско-финляндского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Этот договор выдержал испытание временем и показал, что он отвечает насущным интересам народов обеих стран. Избавленная от бремени гонимых вооружений, Финляндия проводит миролюбивую внешнюю политику. «Линия Пааскиви — Кекконена», главной особенностью которой является политика дружественных отношений с Советским Союзом, стала краеугольным камнем последовательного внешнеполитического курса Финляндии.

Для развития дружественных отношений между странами огромное значение имеют личные встречи руководящих государственных деятелей. Визит Президента Урхо Кекконена в нашу страну будет способствовать дальнейшему углублению взаимопонимания и всестороннему развитию дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Финляндией.

Пусть же растет, крепнет и развивается советско-финляндская дружба на благо дела мира во всем мире!

На снимке: Президент Финляндской Республики Урхо Кекконен.

Перед конференцией писателей стран Азии и Африки

Главная цель нашего совещания сегодня, — начал К. Симонов, — обсуждение предпринятых мер, уже внесенных практических предложений, а еще больше — новые деловые конкретные предложения, направленные на помощь комитету, на расширение планов подготовки. Наше совещание должно полагать — что мы все, особенно наши издательства и журналы, можем и обязаны сделать, чтобы хорошо, широко, разносторонне подготовиться к конференции.

Нельзя даже на таком практическом, организационном совещании не сказать о важности этой конференции, ее международном резонансе. Когда узбекская поэтесса Зулфия на первой такой конференции в Дели от имени советской делегации предложила сделать местом второй — Ташкент, собравшиеся писатели горячо приветствовали это предложение. А мы, советские писатели, представлявшие в Дели девять советских литераторов, уже там еще и еще раз почувствовали, какая большая ответственность ложится на нас. Это большая и радостная ответственность, ибо такое решение вновь показало, как колоссально вырос авторитет Советского Союза, его доброе имя среди общественности стран Востока. Мы представляли в Дели великую, единую, многонациональную советскую литературу. Для нас эти слова звучат привычно. Но как страдают писатели Востока, например, писатели многоязычной Индии, от взаимной разобщенности! Это, конечно, их беда, а не вина. Это вина колонизаторов, насаждавших разобщенность в течение веков.

Значение предстоящей в Ташкенте конференции не просто узко литературное. Японские писатели, которые были недавно в Москве, рассказали нам, что у них в Японии интерес к конференции охватывает не только литературные круги, но вышел также за рамки кругов интеллигенции. Конференцией интересуются в странах Западной и других странах мира.

Несколько месяцев назад, — сказал К. Симонов, — я был в Аргентине. В Буэнос-Айресе состоялась встреча с писателями некоторых южноамериканских государств. Они говорили о своем большом желании поехать на конференцию в Ташкент. У нас с писателями Азии и Африки, говорили они, много общих проблем — борьба с колониализмом, например, противоядие американскому империалистическому нажиму, проблема единства и связей литературы южноамериканских народов.

Мы должны ясно понимать, — заявил К. Симонов, — какую большую роль играют такие конференции в борьбе против «западного» высокомерия. Люди, им зараженные, считающие, что мир замыкается на них, иногда не прочь рассуждать — в Дели победные речи были тоже — о современном кризисе мировой культуры. Это неверно, отчасти мы. Если мы угодно говорить о кризисе, то надо сказать, что в тупик зашла та называемая «западной» империалистическая культура. Кризис мировой культуры нет, и конференция вроде деловой и предвещающей ташкентской — еще одно тому доказательство.

К. Симонов подчеркнул, что литературу нельзя отрывать от культуры, культуры — от экономики. У нас в Советском Союзе сложены все «вечные, традиционные» противоядия запада Востоку во всех областях жизни. Она из важных задач советской делегации на предстоящей конференции — как можно лучше и убедительнее показать великодушный опыт Советского Востока во всех областях жизни. Дело это не простое. Мы не можем не учитывать, что к

нам придут самые различные люди, с самыми различными представлениями о нашей стране. Ожидается, например, делегаты таких стран Черной Африки, где еще ни разу не бывали советские люди. Будут поездки делегаций, будут происходить беседы, выходящие далеко за рамки только литературных проблем. Навскидку огромный интерес к социальной, экономической и культурной жизни нашей страны. Отсюда вытекает, что писатели должны быть готовы удовлетворить этот разносторонний интерес и суметь рассказать гостям о родной стране, о ее прошлом и настоящем, о хозяйстве, о народном просвещении, о перспективах на будущее. Нужно сделать это как можно лучше. Стало быть, и подготовиться как можно основательнее.

Далее К. Симонов касается ряда конкретных организационных вопросов, связанных с предстоящей конференцией писателей стран Азии и Африки. Намечено выпустить на разных языках брошюры о братских советских литературах, различные статистические и библиографические сборники. Оратор предлагает, к примеру, издать сборник о постановке переводческого дела в Советском Союзе. Говоря о задачах издательства и журналов, докладчик особенно подчеркнул необходимость реальных сроков и реальных планов, в осуществление которых надо вложить максимум настойчивости, инициативности, последовательности.

Надо предполагать, что к нам придут литераторы из нескольких десятков стран мира, не считая наблюдателей, — заканчивает Симонов. — А если считать вместе с ними, можно не ошибиться, сказав: конференция писателей стран Азии и Африки в Ташкенте будет, в сущности, всемирным форумом. Ответственность на всех нас, советских писателей, большая. «Слух» о конференции, ее отзывы пройдут по всему Востоку, всему миру. Но для этого надо поработать, и работать уже сегодня засучив рукава!

Вслед за докладчиком представителями разных братских республик выступили с сообщениями о том, что уже сделано и делается, что намечается в республиках к конференции. Они называли многочисленные книги писателей китайских, арабских, индонезийских, вьетнамских, корейских и других народов Азии и Африки, которые уже вышли или выйдут к конференции, переведенные на множество языков. В издательских редакциях разных планов самые различные жанры — от многолетнего собрания сочинений Того, осуществляемого сейчас в Узбекистане, до сборников сказок восточных народов. Широко будут изданы произведения советских писателей и различные сборники (например, в Алма-Ате выйдет сборник «Поэты Казахстана и Китая»), путевые очерки советских людей, побывавших в странах Востока, и зарубежных деятелей, посетивших Советский Союз, различные справочная литература, путеводители и т. д. В Ташкенте будет открыта большая книжная выставка.

Аскар Мухтар подчеркнул особую ответственность узбекских писателей. Помимо переводов произведений писателей стран Азии и Африки на узбекский язык, — многие из которых, как сообщает Аскар Мухтар, делаются в республи-

Шире подготовку к съездам!

Эстония

На днях в Таллине состоялось расширенное заседание правления Союза писателей Эстонии, посвященное подготовке к Третьему всеэстонскому и Четвертому республиканскому съездам писателей. С сообщением выступил секретарь правления Союза писателей СССР Г. Марков. В прениях приняли участие писатели П. Руммо, П. Куусберг, Ю. Смуул, А. Саар, М. Рауд, В. Бекман, И. Сеппер, критики Л. Реммельгас, О. Инги.

В республике предполагается провести ряд творческих дискуссий, встречи писателей с коллективами трудящихся, литературные вечера, книжные базары.

Многие выступившие говорили, что необходимо больше публиковать литературоведческих, литературно-критических и обзорных статей по важнейшим вопросам литературы, по творчеству отдельных писателей, рецензий на новые книги.

КАЗАХСТАН

В Алма-Ате состоялось городское собрание писателей. На собрании обсуждались вопросы подготовки к декаде казахского искусства и литературы в Москве и Третьему всеэстонскому съезду писателей.

Выступившие отмечали успехи в развитии казахской поэзии и прозы за период после декады 1949 года, вносили конкретные предложения для улучшения пропаганды национальных литератур. Многие ораторы подчеркивали необходимость более тесного общения писателей братских республик и планомерной подготовки переводческих кадров. Ораторы упресли «Литературную газету», журнал «Дружба народов» и другие московские журналы и издательства в недостаточном внимании к казахской литературе.

На собрании выступили писатели Г. Мусрепов, Д. Абишев, М. Алимбаев, М. Тисов, Ж. Сани, М. Конрадаев, Т. Жароков, С. Мартынов, С. Муканов, А. Тажибаев, И. Жарылгапов.

Задачи, стоящие перед советскими писателями в связи с Третьим всеэстонским съездом, подробно охарактеризовал первый секретарь правления Союза писателей СССР А. Сурков.

АЗЕРБАЙДЖАН

В переполненном зале Дворца культуры Нахичевани состоялся выездной пленум правления Союза писателей Азербайджана, посвященный творчеству местных литераторов. Выступившие слова произнес Мехти Гусейн.

Нахичевань славится богатыми литературными традициями. Отсюда вышло немало известных писателей, например, Дж. Мамедкулиев, Гусейн Джавид, М. Ордубади. Сейчас Нахичеванское отделение Союза писателей Азербайджана объединяет значительную группу поэтов и прозаиков. Об их творчестве подробно рассказал Расул Рза.

За последние годы, — сказал докладчик, — нахичеванские писатели создали немало хороших произведений. Главное достоинство большинства из них — хорошее знание жизни.

Расул Рза и выступившие в прениях Мир Джалал, Абулгасан, Сулейман Рустам, Мамед Рагим, Али Велиев, Сулейман Рагимов рассмотрели отдельные произведения молодых писателей, рассказали о задачах литераторов нахичеванского отделения Союза писателей, в обсуждении доклада, кроме писателей, приняли участие первый секретарь Нахичеванского обкома КП Азербайджана Х. Мамедов, преподаватели средних школ, представители общественных организаций.

Участники пленума организовали общегородской вечер, посвященный Гусейну Джавиду. После доклада доктора филологических наук Дж. Хандана о сложном и во многом противоречивом творческом пути этого выдающегося поэта с воспоминаниями о нем выступили Расул Рза, С. Рустам, Мамед Рагим.

Бакинские писатели побывали в ряде районов Нахичеванской АССР, где провели литературные вечера, встретились с колхозниками, сельской интеллигенцией.

Выездной пленум принял в члены Союза писателей пять литераторов. Пленум прошел в творческой, деловой обстановке и явился хорошей подготовкой к предстоящему республиканскому съезду писателей. БАКУ. (Наш корр.)

Анатолий АГРАНОВСКИЙ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

ВСТРЕЧА С ЮНОСТЬЮ

АРИСТОТЕЛЬ заметил, что, когда человек думает о чем-то прошедшем, он опускает глаза на землю; но когда он думает о будущем, то поднимает их к небу.

В эти дни, когда над землей летит наш третий спутник, нет такого уголка на планете, где бы люди не поднимали глаза к небу.

Человечество думает о своем будущем. Но не об этом, не о межпланетных сообщениях пойдет у нас речь. С первых дней в хоре восторженных, растерянных, злобных голосов, которые на всех языках мира повторяли и сейчас скандируют слово «Спутник», звучал вопрос: «В чем секрет этой победы?»

О чем, все отчетливо понимая, что такие победы не могут быть случайностью. И понимают, что дело тут не только в спутниках. Речь идет о большем — об уровне науки и культуры в СССР. Не требуется особой проницательности, чтобы образовать проблему россии не генетическую, а коллективную. Большой коллектив советских людей. Наконец, не рискуя властью в ошибку, можно предположить, что костяком этого коллектива были люди в возрасте от 20, скажем, до 55 лет. Другими словами, люди, воспитанные социалистическим строем.

В. Буш, председатель корпорации Института технологии штата Массачусеттс, США, заявил: «Самым важным аспектом русской научной программы является метод, который они используют в поисках и обучении своих лучших научных талантов».

Говорить приходится, следовательно, уже не о секрете создания спутника, а о секрете «создания» людей, руками которых создан спутник. Эта яркая звездочка стала как бы точкой над «и», которая сделала явным для всего мира то, что нам с вами давно уже известно.

Впрочем, мы ведь никогда не делали секрета из «методов» воспитания и обучения нашей молодежи. Физика у нас такая же, как и за океаном. И бином Ньютона в прежней силе. И интервалы не претерпели изменений. А того, чем советская наука действительно отличалась, в корне отличалась от науки буржуазной, недругам нашим все равно не перенять.

Но так давно я очень точно и зримо увидел это.

Увидел в Харькове, присутствуя на встрече людей, далеко не молодых...

В 1917 году они впервые вошли под своды анатомического корпуса — студенты первого советского набора. В 1922 году они окончили Харьковский медицинский институт.

Развешаясь, сговаривались: не забудем старой дружбы, встретимся, непременно встретимся... Привычное дело, все мы даем такие обещания — после школы, после вуза, после армии, — во по-

том чаще всего, увы, забываем о них. А эти не забыли. Знать, дороги, особенно дороги были воспоминаниям людям, о которых я говорю: они встретились! Схватились в Харькове со всех концов страны и собрались в зале медицинского общества на улице Ольгинского, 11. Через тридцать пять лет после выпуска. Спустился сорок лет после первой своей встречи.

В моем кармане тоже лежала приглашение. Получив его, я задумался: меня почему зовут на этот юбилей? Сообразил: мой отец кончал институт вместе с ними. Потом он стал журналистом. Сегодня я подписываю свои очерки так же, как он подписывал свои. Другая его могла и не знать, что отец мой умер...

Я решил поехать на юбилей.

СМОТЯТ друг на друга, нет, не смеются — всматриваются, узнают и не узнают.

— Коля, ты?

— Иван Иванович привет!

— Минка, черт! Молодой еще.

— А по? Пятдесят девятый год.

Прилипли зрелый возраст.

Объятия, поцелуй. У многих слезы на глазах.

Средний возраст здесь — «под шестьдесят». Но как же помолодели они, встретившись со своей юностью. Снова студенты... Шум, смех, шуточки, старые прозвища. Закроены глаза — молодежь вокруг. «Минка, помнишь СХХ?» — «Что это?» — «Эх, ты! Союз харьковских холостяков»... «И вот, прихожу я в анатомичку, а там легендарный Лаврентий. «Ну-с», — говорит, — выучил ты тазовые кости?»... «Хлопцы, пошли снимать!» — «Я-богу, так и сказал: кто-то: «Хлопцы». А открыл глаза — сидю вокруг, лысые, тучные».

Удивительный это, если вдуматься, выпуск. Октябрь распахнул перед ними двери высшей школы. В дни революции многие из них, студенты 17-го года, были в рядах рабочих дружин и отрядов рабочей гвардии. Потом бросили учебу, чтобы быть Лениными, сражаться с Врангелем... «А помнишь горькое писно, студенческий паек?» «А артель по разгрузке угля?» «А слияние?»...

— Когда же вы учились? — спрашиваю у профессора Александра Рабухина.

— Да как вам сказать... Мы ведь еще бесконечно заседали: студбюро труда, совет студенческих комиссаров, протесту, ЦБ комстуденчества. Сложное было время.

Тут мы сталкиваемся с одним, так сказать, чудом. Годы их учебы с точки зрения «академической» мало были приспособлены для углубленных занятий. Но вот результат: 25 врачей этого выпуска — кандидаты медицинских наук, 27 — докторов наук. Есть среди них члены-корреспонденты Академии медицинских наук, есть заслуженные врачи рес-

публики, есть заслуженные деятели науки, есть ученые с мировым именем. И самое главное, как хорошо сказал один из юбиляров, — «здесь собралась не только блестятельная Платоны Кроты, но и работяги Вублики, которые выступили не одну тысячу сердец».

Таков итог учения людей, которые учились трудно, и экзамены сдавали после фронтов, эпидемий, госпиталей с чудовищными опозданиями, и в самом институте бездну времени тратили на «заседания» — на борьбу с реакционной профессурой, с кадетами, азеями и меньшевиками, затесавшимися в студенческую среду.

Способны ли понять это «чужо» те, кто мечтает сегодня перенять наш метод обучения молодежи?

— МНЕ МОЛОДО! приходилось выступать в институте, на ученых советах, на международных конгрессах, — говорит с трибуны профессор Рабухин. — Но, кажется, ни разу я так не волновался, как сегодня. Это ведь отчет, отчет за тридцать пять лет...

Действительно, отчет. Собирались не только друзья, но коллеги. Не только люди одной профессии, но люди одной идеи — познание больше, больше выпускников 1922 года стали впоследствии членами великой Коммунистической партии. Они собирались теперь, чтобы поздравить друг друга, взглянуть друг другу в глаза, а потом спросить: «Что ты сделал за эти годы?»

Профессор говорит о борьбе с туберкулезом: 33 года из 35-ти отпавшей этой борьбе — это серьезное научное сообщение. Но вот факт, понятный и непонятный: в годы Великой Отечественной войны усилиями советских медиков был покорен один «вечный закон». Все же с ходом войны росла смертность от туберкулеза. У нас, впервые в истории, она снизилась на второй год войны, а к исходу войны была ниже, чем в 1940 году. Это результат колоссальных усилий в быте советских людей, это и результат боевой, истинно партийной деятельности большого коллектива врачей. Докладчик перечисляет имена ученых, сыгравших выдающуюся роль в этой борьбе. Называет в том числе и своих товарищей по курсу — профессора Ф. Левинта, который в годы войны возглавлял Управление противотуберкулезных учреждений Наркомата здравоохранения СССР, и члена-корреспондента Академии медицинских наук Н. Новаченко, который в военные годы был главным хирургом эвакуационного госпиталя Украины.

У каждого из нас есть своя мечта, — заканчивает профессор свой доклад. — У меня такая: дожить до полной победы над туберкулезом в СССР. Это мечта реальная. Убежден, что в течение 10—15 лет она станет действительностью.

Выступает Николай Новаченко. Для коллег он крупнейший ортопед страны, директор Украинского института ортопедии и травматологии, член-корреспондент академии, автор многих ценнейших трудов, глава Харьковского медицинского общества. А для друзей он по-прежнему «Коля», «Колька», «Коленька» — веселый, шумный, грохочущий деревянными чоботами, один из главных заводил на курсе в 17-м году. Тем интереснее им услышать об операции, разработанной этим человеком, — сложнейшей операции, которая ставит калека на ноги в самом буквальном смысле этого слова...

Анатолий Франс сравнил как-то время, дарованное каждому из нас, с драгоценной тканью, по которой мы вышиваем, что как может. Люди, собравшиеся в Харькове, украсили свое тридцатипятилетие узорами поистине драгоценными. Недаром труды многих из них известны сегодня на родине французского классика. Широко применяется там метод обезболивания родов, разработанный коллективом врачей во главе с доктором медицинских наук Ильей Вельвовским. И не только так — во многих странах применяется этот метод, избавляющий матерей от родовых мук. Труды харьковского ученого были названы во французской печати «характером гуманности советской науки всему человечеству».

Я думаю сейчас о юбилярах. О тех, которые названы в этом очерке, и о тех, которых я не смог, к сожалению, даже упомянуть. — В Харькове собралось ведь более ста человек. На первый взгляд, рассказ об их коллективном труде не связан с последними великими событиями в научном мире — с атомной физикой, аэродинамикой, ракетостроением. А если задуматься, я тут речь идет о судьбах науки. Юбилей медиков, сжав время, сделал легко обозримым сорокалетний путь многих людей и показал главное. В пору их учебы впервые в истории родилась интеллигенция, криво связанная с народом. С той поры и полные жизни этих людей безвозвратно отпала народу, партии.

Казалось бы, сказанное не стоит в прямой связи с «чистой наукой». Но именно отсюда — все успехи советских ученых.

ЖАЛКО было, что студенты, нынешние студенты, не приглашены на юбилей. Я понимал, что и аудитория была бы тесновата, что присутствующие молеждали скучать от чудесной атмосферы студенческой сходимости. И все-таки жалко мне было, что комсомольцы студенты не слышали того, что я слышал.

(Окончание на 2-й стр.)

По-соседски, по-дружески, по-братски

Неделя литовской литературы в Белоруссии

ТРАДИЦИОННЫМИ стали у белорусских писателей встречи со своими друзьями из братских республик. В позапрошлом году они побывали в Молдавии, в прошлом принимали у себя украинцев и эстонцев на Украину. А сейчас у них гостили литовцы. Литвы. К встрече своих соседей писатели Белоруссии давно и тщательно готовились. На страницах журналов и газет публиковались стихи и рассказы литовских писателей, печатались статьи о литовской литературе. В Государственном издательстве республики вышла книга литовской поэзии «Голоса друзей», над которой потрудились большая группа белорусских поэтов-переводчиков. Отдельным изданием вышла «Братская поэма» Э. Межелайтиса.

Первый по-настоящему майский день. На шоссе Минск — Вильнюс, в том месте, где сходятся земли Белоруссии и Литвы, собралась колонна белорусской сельскохозяйственной артели «Большинство» девушки и парни — с весенними цветами, пожелтые колосники — с хлебом-солью на самотканном полотнище. Сюда выехала и большая группа белорусских писателей. Здесь, на границе двух братских республик, хозяева радушно встретили гостей.

И до этого встречались литовские писатели со своими белорусскими собратьями по перу, но такая массовая встреча — первая в истории двух литератур. На неделю литовской литературы в Белоруссию прибыли: председатель правления Союза писателей Литвы А. Венцлова, народный поэт Литвы Т. Тильвинтис, писатели А. Гудайтис-Гуайявичус, Э. Межелайтис, И. Довидяйтис, В. Мозурнас, М. Служкас, В. Реймерс, А. Жукаускас, Э. Матузавичюс, К. Кубилискас, Ю. Марцинкявичюс, А. Балтрунас, В. Радайтис.

Союзу писателей Чехословакии

Вместе с вами глубоко скорбим по поводу смерти народной писательницы Марины Пуймановой, славной дочери Чехословакии. Имя верного друга Советского Союза, большого мастера слова Марины Пуймановой, всем своим творчеством утверждавшей победу жизни над смертью, навсегда останется в памяти миллионов советских читателей.

СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ПРАГА

ХИМИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ — В МАССЫ

Всесоюзное химическое общество имени Д. П. Менделеева — одно из старейших объединений ученых страны. Оно было создано в 1868 году Д. П. Менделеевым, Н. Н. Зининым, Н. А. Меншуткиным, А. М. Бутлеровым, Н. Н. Бекетовым и другими выдающимися деятелями химической науки и техники и называлось тогда Русским химическим обществом.

За девятнадцать лет своего существования общество приобрело немало славных традиций и накопило богатый опыт пропаганды химических знаний. На одном из первых его заседаний, в 1869 году, был оглашен периодический закон Менделеева, выраженный гениальным ученым в виде периодической системы химических элементов. Сам Дмитрий Иванович был тогда болел, и сообщение об открытии им важнейшего закона природы сделал от его имени Н. А. Меншуткин. Периодический закон Менделеева, как известно, явился фундаментом для последующего бурного развития не только химии, физики и других естественных наук, но имеет огромное значение и для всего современного миропонимания.

К настоящему времени Всесоюзное химическое общество имени Д. П. Менделеева значительно разрослось, — сказала в беседе с корреспондентом «Интерфакста» президент общества проф. И. П. Лосев. — Менделеевское общество объединяет сейчас 18 569 действительных членов, насчитывает более 400 первичных организаций на заводах, в институтах и т. д., а также свыше 500 отделений, раскинувшихся по всей стране. Общество проводит массовые лекции и лекции, организует курсы, семинары и школы повышения квалификации на предприятиях химической промышленности, издает научную и научно-популярную литературу.

Исторические документы майского Пленума ЦК КПСС об ускорении развития химической промышленности и особенно производства синтетических материалов и изделий из них представляют грандиозную программу дальнейшего технического прогресса всего народного хозяйства страны и определяют грандиозный шаг в развитии ее производственных сил, в создании новых средств материальной культуры. В связи с этим и Менделеевскому обществу предстоит решительно повысить свою активность в борьбе за новые успехи отечественной химии, расширить пропаганду химических знаний среди населения.

Центральное правление общества, — продолжал проф. И. П. Лосев, — уже дало указание республиканским, краевым и областным правлениям о развертывании всех форм массовой пропаганды химической науки. Правления должны проводить эту работу совместно с союзными и отделами науки общества по распространению политических и научных знаний.

Менделеевское общество приступает к работе по координации деятельности различных подразделений, связанных с выпуском брошюр на темы, вытекающие из Постановления майского Пленума ЦК КПСС. Президиум Центрального правления общества решил чаще выпускать сборник «Успехи химии и технологии высокомолекулярных соединений», в связи с чем расширяется состав его редакционной коллегии. Намечено с будущего года приступить к изданию согласованной с Академией наук СССР серии монографий по полимерам. Кроме того, будет подготовлен ряд справочных изданий по химии полимеров и другим отраслям химической промышленности, отдельными брошюрами выйдут сообщения о вытеснении синтетических материалов и изделий из них, экспонировавшиеся в Кремле. Намечается издание популярных брошюр по химии с иллюстрациями.

Организованы передвижные выставки изделий химической промышленности из

пластических масс, искусственных волокон и других синтетических материалов, а также выпуск научно-популярных фильмов о применении химии в народном хозяйстве, о новых синтетических веществах, современных методах труда на химических предприятиях, новом оборудовании, технике безопасности. Предстоит многое сделать для популяризации химии среди трудящихся.

Патю сказать, что в пропаганде химических знаний огромное значение имеет писательское слово. Писатель, человек, мыслящий образами, может неизмеримо ярче и доступнее донести до широкой читающей аудитории такие сложные понятия о химических процессах, о труде работников химической промышленности, о научных успехах, чем сами химики, которые далеко не всегда излагают свой материал достаточно популярно и доступно для понимания. Очень важно, чтобы писатели приняли самое непосредственное участие в этом большом деле.

В настоящее время мы готовимся к новому большому событию в жизни советских химиков — к VIII Всесоюзному Менделеевскому съезду, который состоится в конце этого года. В его работах примут участие примерно полторы тысячи человек, в том числе около сорока зарубежных ученых.

В заключение мне хотелось бы самым настоятельным образом подчеркнуть важность скорейшей организации Дома химии, — сказал проф. И. П. Лосев. — Необходимость в создании такого центра пропаганды химических знаний уже давно назрела. Все это вместе послужит успешному решению новой великой задачи, выдвинутой Коммунистической партией, задачей, встречающей с огромным удовлетворением всем нашим народом.

Краснодарская шахта № 2 «Северная» — родина замечательного починка бригады забойщиков Героя Социалистического Труда Николая Мамая. В этом году на шахте стала выходить многотиражная газета «Новатор». В ней печатаются материалы, рассказывающие о трудовых буднях горняков. Частые авторы этой газеты — сами шахтеры. Вот и сейчас К. Мамай (в центре) принес редактору свою заметку.

Фото Р. Ариева

Конкурс на лучшую одноактную пьесу

К 40-летию Ленинского комсомола Министерство культуры СССР, ЦК ВЛКСМ и Союз писателей СССР объявили конкурс на лучшую одноактную пьесу о советской молодежи и комсомоле. Это должны быть произведения о труде, учебе, отдыхе советской молодежи, о высоких моральных качествах юношей и девушек страны Советов, о дружбе народов СССР, о борьбе за мир. За лучшие произведения устанавливаются премии.

ВСТРЕЧА С ЮНОСТЬЮ

(Омичане, Начало на 1-й стр.)

Ну вот хотя бы выступление Г. Истомина, восточного врача:

— ...Еще, товарищи, хочу сказать о Ботлирове. Вы все, конечно, его помните, — тоже из нашего выпуска. Лет двадцать мы с ним не виделись. И вот, под Ботлировым, когда я делал операцию, началась бомбежка. Меня в операционной и контузило. Так он, Ботлиров, меня выволок из-под трупов — вот была встреча!

Пусть бы послушала молодежь рассказы старых врачей о том, как служили они на фронте в дни мира и в дни войны. Порой мы слышим «общие» показываем молодым прошлое — надо бы конкретнее. Насчет того, что был при царе городской, они отлично все знают, а вот известно ли нынешним харьковским студентам-медикам, какая «гражданская война» шла в их собственном вузе? Знают ли они, к примеру, историю старинной фрески, которую выдал великий раз, входя в анатомический корпус?

На картине изображен врач в красной мантее. Он склонился над трупом молодой девушки, в его руках — мертвое сердце. Врач глубоко задумался. Почему наступила смерть? Можно ли победить ее? Многие поколения студентов благотворно не останавливались у этой стены. А писала «старинная фреска» в 1918 году.

Об этом рассказывал один из юбиляров — Иван Иванович Грищенко, профессор, заслуженный деятель науки, нынешний заместитель директора Харьковского медицинского института.

Старая буржуазная профессура во главе с деканом Пенским, открывшим черносотенное, презрительно поглядывала тогда, в 1918 году, на «хукариков детей», осмелившихся войти в храм науки. Проповедовалась «теория», что-де им не по силам будет высокая премудрость, не-

минуемо естествознание первой системы. А студенты, голодные и разутые, были полны решимости доказать реакционерам и злодею всему миру, что, как выразился профессор Грищенко, «общественность в новых условиях Советской власти может создавать научные ценности».

В эту пору молодой профессор В. Воробьев, блестящий лектор, темпераментный исследователь, талантливый анатом (впоследствии он, как известно, участвовал в баллинизации тела В. И. Ленина), предложил создать в институте анатомический музей. Командировка и старостат курса горячо поддержали профессора. И вот будущие хирурги, терапевты, невропатологи своими силами берутся ремонтировать аудиторию. Знаменитую фреску пишет друг Воробьева, директор Харьковского художественного училища Любимов со своими учениками, которых Воробьев преподавал анатомии. Композицию картины обучивают всем старостам, роняют в библиотеку, выискивают старинные фоланты, подбирают в анатомические натурные препараты для художников... Все это тогда, в 18-м году.

Нынешние комсомольцы — студенты должны лучше знать, как завоевывали их права, которые сегодня они принимают как нечто само собой разумеющееся. Пусть знают они и бурную историю завоевания Харьковского медицинского общества — для них оно завоевывалось. В те годы, о которых идет речь, им не было бы доступа в Общество врачей — замкнутую касту частнопредпринимательских тузов и владельцев больниц. Врачи выпуска 1922 года отлично понимали это. И вот в противовес старому обществу в Харькове организуется молодежная научная ассоциация. Во главе ее становится

один из выпускников Михаил Рудницкий (он тоже приехал на юбилей — профессор, директор хирургической клиники в Бурсе). Перевожу ученых — профессор Паладин, нынешний президент Украинской Академии наук, профессора Шаповалов, Черников, Платонов идут помогать студентам. Шумные собрания, доклады, рефераты, первые научные сборники. Наконец, последний решительный бой — происходит слияние молодежной секции со старым обществом. И полная победа: главам нового правления избран профессор А. Паладин. Так «студенты 17-го года» завоевали для себя и для всех последующих поколений врачей новое, советское медицинское общество.

Такие картины нужно почаще «реставрировать» в памяти нашего студенчества.

Был прощальный банкет. Пели студенческие песни, читали стихи, вспоминали старую харьковскую журналистику. Потом притих шум. Поднялся с трюмом Константин Иванович Платонов, 85-летний профессор, который всех из учил еще сорок лет назад.

— Мои юные друзья! — сказал он. — Подражайте мне с тридцатипятилетием оказания помощи больным людям. Если у старого врача есть целеустремленность в работе, если он сохраняет ясное клиническое мышление, он не старик. Я вижу: стариков среди нас нет.

Все заулыбались, потянулись к профессору. А в коридоре, прикрыв рукой ухо, склонился в это время над телефоном седой врач. Я так и не разглядел со слухом, кто это был. Услышал только:

— А температура?.. Так-так. Пульс?.. Гм... Да-да, обязательно. Внутреннее сделайте. Что? Нет-нет, я сам пойду. Сейчас пойду...

Вот и в острый, свежо звучащий статье «Герои истинные и мнимые» Арк. Злыдневича («Звезда», № 2) и в статье «Дорогами жизни» З. Кедрина («Новый мир», № 1). Эти же верные и искренние позиции определили направление тематических обзоров, напечатанных в связи с юбилеем Советской Армии (А. Макаров «Немеркнущие образы», «Знамя», № 1 и 2; В. Дружбинский «В мирные дни», «Новый мир», № 2; В. Катинская «Федоров, Леонов, Ермаков и другие», «Знамя», № 3). В заключение, не во всех этих статьях публицистический замысел авторов воплощен в эстетическую концепцию. Не везде критикам удалось показать читателям, как следование принципам социалистического реализма активизирует талант писателя, обогащает его художественную индивидуальность. И, наоборот, как отрыв от жизни, идейно-эстетические просчеты пагубно отражаются на его даровании, уводят в сторону от ведущей магистрали советского искусства.

В литературоведческих книгах и статьях последних лет зачастую приводится известное советское высказывание о том, что в искусстве «никогда не индивидуальной обстановке, в анализе характеров и психики даны типы». Это важнейшее ленинское указание вошло в обиход нашей критики, когда она говорит о литературных типах и характерах. Но почему-то оно зачастую не распространяется на литературный процесс в целом, который во все времена создавался художниками как яркое выражение творческой индивидуальности.

О том, сколько плодотворная ленинская мысль применительно к анализу типа творчества и характера дарования писателя, и о том, — сколько пагубна противостоящая многообразию социалистического реализма нивелирующая тенденция, свидетельствуют и статьи, появившиеся в журналах.

Когда З. Кедрина пишет, например, о произведениях И. Шухова и Е. Дороща, стремясь раскрыть своеобразие их творчества, у нее возникают и новые мысли, и интересные суждения о связи литературы с социалистической действительностью, об особенностях ее восприятия в различных жанрах. Но посмотрите, какими стертыми от частого употребле-

ФЕЛЬЕТОН

Данилыч на орбите

БЫВАЮТ ЖЕ, право, встречи... На днях совершенно неожиданно я встретил друга незабываемых лет моей юности. Мы не виделись с Генкой, — простите, с Геннадием Данилычем Стебелковым, — пожалуй, так лет пятнадцать. Да, с той самой поры, когда невдалеке ракетно-носитель, как сказали бы мы теперь, подняла его до стальных сфер, выходя на недостижимую (для меня, разумеется) орбиту и он начал стремительно вращаться по упомянутой орбите.

Первые годы после разлуки мне не были в точности известны его координаты. Зато впоследствии они более или менее прояснились. Когда Геннадий набрал завидную высоту, его уже можно было наблюдать при помощи таких доступных средств, как пресса и радио. Теперь я, равно как и вся широкая общественность, достоверно знал, что вчера директор института Г. Д. Стебелков «в беседе с нашим корреспондентом сообщил», либо что он в составе делегации выехал на международный конгресс в... Кроме газет и радио, появились еще источники достоверной информации. Перелестившись свеженьким тоном и встречаясь в томе том опять же Г. Д. Стебелкова если не в качестве главного редактора, то как члена редколлегии либо как научного консультанта.

Я от души радовался за земляка. Лишь порой брала меня оговорка: как это он, сдвинувший со всем управляет? Не подорвал бы здоровья? И куда там в центре смотрят, сокрушался я, не берет кура.

Нечасто высокоталантливых и многоуважаемых людей выпало из наших родных мест. И, естественно, меня не удерживало все к земляку, уж очень хотелось взглянуть на него невооруженным глазом, пожать его руку, поздравить, обнять, если позволит ситуация. Хотелось поговорить с ним о том, о сем, запросто, как бывало, в нашем родном Холмогорске.

Побуждаемый добрым чувством, каж-

дый раз, попав в столицу по делам службы и повидав многих знакомых земляков своих, плодотворно работавших на разных участках, я по несколько раз в день набирал номер служебного телефона Геннадия. Но увы! В трубке никогда не было слышно его голоса. Неская дама, вероятно, сотрудница, обычно допрашивала меня:

— Кто говорит? Откуда? По какому вопросу?

Кратко сообщив требуемые сведения с себе, я объяснял собеседнице: хочу поговорить по личному вопросу. Я подчеркивал последние слова, поверив И. Ильфу и Е. Петрову, будто этому мотиву отдалось предпочтение в некоторых приемных.

Геннадий Данилыч меня знает, — уверял я сотрудницу. — Мы ведь с ним, бывало, вместе на рыбалку... Товарищ, поймите, — звучит женский голос на другом конце провода, — Геннадий Данилыч с часу дня на учебном совете, в половине третьего — на коллегии, затем у него лекция в обществе...

Теперь, надеюсь, каждый поймет, сколь безмерна была моя радость, когда случался, — именно случался! — счастливый для меня, а не для моего земляка, столкновение нас, что называется, лицом к лицу на одной из людных московских улиц. Представьте, я встретил человека, в котором скорее угадал, чем узнал Геннадия. Он посидел, отпустил ушки, которые, впрочем, не сдерживали излившиеся выходящих из груди строгих физиономии. Ловая рука Данилыча была обременена модным портфелем. Меня поразило и даже напугало горестное выражение лица Геннадия. Поэтому, едва опознав друга, я спросил:

— Что с вами? (На «ты» обратиться по старинке не решился). Неприятности?

— Угадал, братец. Две неприятности сразу: вчера где-то оставил гаишника, а сегодня утром машина вышла из строя... Вот теперь, изволь, странствуй с одного конца города на другой без транспортных средств.

— Только и всего! — воскликнул я. — К вам услугам метро, автобусы, троллейбусы, такси, наконец, если срочно нужно...

— Такси хорошо... Только как это обеспечить?..

Вместо ответа на вопрос я тут же оставил встречную «Победу» с зеленым стеклом. И вот мы сидим плечом к плечу, а машина мчит по заданному маршруту.

— На лекцию опаздываете? — осведомился я.

— Нет... сегодня, понимаешь, выкроил часок, чтобы нанести визит в редакцию журнала «Вопросы философии», а то неловко как-то, не был еще там ни разу.

— Как же вы были? — с изумлением воскликнул я. — Всем известно, что вы там занимаетесь все...

— Занимаюсь... Ну и что же? Со мной согласовывают основные темы и ведущие авторы. Там опытный зам с ученой степенью.

При этих словах он метнул в мою сторону взгляд, в котором я прочитал: «Ну и наивен же ты, братец!» Геннадий Данилыч переводил разговор на другую тему:

— Вот что, дружище, ты меня здорово выручил сегодня с этим таксом. Да... приходишь на вечер, после шести, ко мне домой, там и потолкуем на досуге, за чашкой чая.

А вы разве после шести, как все прочие, сразу — домой? У вас столько постов, да еще каких! На одном хотя бы из них, если трудиться, так дня, полагаю, иной раз не хватит.

— Да, постов порядочно у меня. Ты прав, — великодушно подтвердил мой собеседник и пояснил: — Трудно, конечно, приходится. Но, в общем, управлюсь. Втянусь. Так-то. Не забудь же, приходи. Жена будет рада.

Мимолетная встреча с Данилычем породила в голове моей сумятицу. Я, однако, не торопился привести свои мысли в стройную систему. Вот, думаю, я посидим вечерком на досуге за чашкой чая, и все прояснится.

Не стану описывать квартиру Данилыча. Замечу лишь, что в ней я увидел

все, что полагается в квартире. Только кедров, кажется, и не доставало.

Желая похвалить самолюбие хозяина, я заметил:

— Чудные полотно! Право, не знал, что вы, Геннадий Данилыч, тонкий знаток и страстный любитель живописи...

Хозяин в ответ как-то неопределенно улыбнулся. А хозяйка Матильда Аристарховна пояснила:

— Это влияние коллеги Усачева. Геннаша вместе с ним рыбачит. А у того, представьте, сплошь все стены, даже на кухне, увешаны картинками. Ну вот и наш туда же...

С благоговением переступил я порог рабочего кабинета Данилыча. Там на роскошном письменном столе лежали номер «Огонька» с неразгаданным кроссвордом и какие-то типографские оттиски.

Все это, конечно, надо срочно читать? — спросил я, указывая на оттиски.

— Визировать, — пояснил хозяин.

— Не читая?

— Вечно не прочтешь, мил человек, — сказал Данилыч. — Простите, кое-где пометки сделал и записываю.

— Если ошибаюсь? — не унимаясь я.

— Есть же исполнители. Они-то знают, что за ошибки бывают.

Смекнув, что это дело не моего ума, я поспешил перестить разговор в иную плоскость. Устремив взор к книжному шкафу, молвил:

— Разрешите познакомиться с вашими рабами.

Примолв, что так называл книги Карл Маркс, и желая снискать доброе расположение к себе со стороны хозяина, я и упомянул о «рабах». А он, хмурясь, спросил:

— Какие там еще рабы?

Действительно, книги эти не ведали рабства. Они вызывали пожелания позолоты обложки, их страницы не имели пометок и закладок, короче говоря, не обнаруживали обычных следов штурмования.

Тут как раз кстати хозяйка любезно пригласила нас в столовую.

Окинув взором богатый сервированный стол, я изумился — вот так «чай!» — и, поблагодарив хозяев за гостеприимство, поспешил извиниться, что из-за меня такие хлопоты и расходы.

— Ах, оставьте! — успокаивала меня Матильда Аристарховна. — Вот по-позже придет Усачев, и можно будет «нульку» организовать, «козла» забить. А пока выпьем за приятную встречу, потом будет и чай.

О чем бы я ни заводил речь, бы неизменно приходили все к тем же исполнителям, заместителям и визированию. Между прочим я пытался вести беседу на литературные темы, потягивая, например, о своеобразии «Исповеди» Хусо. Оказалось, что мой любезный хозяин знал кое-что об этом произведении и его авторе в объеме романа Л. Фейхтвангера «Мудрость чужда», да и то со слов Матильды Аристарховны.

Я не стал дожидаться Усачева, да меня и не удерживали. Прощаясь с хозяевами, пригласил Данилыча (с супругой, конечно) в родной Холмогорск, на что последовал такой ответ:

— Радехонек бы, как говорится, всей душой, да, видишь ли, точка сия лежит в отдалении от моей орбиты... В Швейцарии бывал, в Италии бывал, а вот в Холмогорск никак не выберусь.

Я улыбнулся по поводу этой тирады и подумал... Эх, Данилыч, Данилыч!.. Ведь каким ты был на заре своей научной карьеры! Недаром мы все завидовали твоим способностям. А вот выдвинули человека и начали толкать во все комиссии да редколлегии. Другой, может, сказал бы мужественное «нет!».

А Данилыч не устоял, соблазнился. И так закружила, захватила его многоответственная стихия, что и на усерднейшее сопротивление не хватало. И поотстал, поотстал...

Впрочем, он не безнадёжен; стоит только разгрузить человека, поубавить ему постов да спрашивать с него как следует. Глядишь, — переменится...

Не будем терять надежды.

Н. КЛИНКО

О. ВОЙТИНСКАЯ КОМПАС В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

ЭТО НЕ ОБЗОР отделов критики первых номеров литературных журналов за 1958 год. Это заметки товарища по работе, которые не претендуют на полный охват всего того, что напечатано в журналах за четыре месяца, и, естественно, не могут дать законченного представления об актуальных проблемах и достижениях критической мысли. Но нам кажется, что и эти далеко не полные заметки подвигают читателя к некоторым выводам.

Несомненно, под плодотворным воздействием указаний ЦК КПСЗ редакции большинства журналов более четко определили свои идейно-эстетические позиции, активнее стали вмешиваться в ход литературного процесса. Чаще, хотя все еще недостаточно часто, начали появляться статьи боевого, наступательного характера против ревизионизма. Из них прежде всего хочется отметить весьма актуальную по проблематике и хорошо теоретически обоснованную статью Т. Павлова «О наших дискуссиях» («Нева», № 1).

Т. Павлов справедливо утверждает, что дискуссии не подлежат на основе нашей теории, на необходимости активной и беспоконной борьбы с «нигилистическими» лагеря реакции и ревизионизма. Рассматривая дискуссию как существующий фактор прогресса научной мысли и революционного переворота, он ошибается, ссылаясь на лагерь мира, демократии и социализма. Т. Павлов приходит к выводу, что практическое, жизненное значение любого теоретического спора, любого обсуждения определяется верными исходными позициями, наличием идейного компаса. Опираясь на научный опыт идеологической деятельности Болгарской коммунистической партии, он пишет: «...важно то, что при всех наших дискуссиях мы никогда не теряли никаких принципиальных идеологических позиций дискутирующих с нами...»

Оценивая в этом верном аспекте идейно-эстетические споры в лагере социализма, Т. Павлов солидаризируется с

По страницам московских и ленинградских литературных журналов

В. Досталом (Чехословакия) в его критике антимарксистских взглядов Я. Котта (Польша) и спорит с его, досталомским, определением социалистического реализма, как «рабочей гипотезы». Такое определение, подчеркивает Т. Павлов, ведет к отрицанию объективно-познавательного характера и преобразующей роли искусства нового типа.

Внимание читателя привлекают также глубокие размышления Т. Павлова о предмете и методе искусства; об отличии социалистического реализма от критического реализма в изображении личности и народных масс; о принципах создания марксистской истории литературы. Некоторые его выводы нам представляются весьма дискуссионными, например, выдвинутое им утверждение о некоем реализмическом принципе, якобы присутствующем в искусстве, якобы присутствующем в искусстве и всему истинному искусству. На в основном это верная, отличая зрелость, аналитическая, сокрушительно атакующая ревизионизм.

Боевой, наступательный характер присущ и содержательности статьи М. Сидорова «Ревизионизм — это антимарксизм» («Москва», № 1). Подвергнув критике выступления идеологов ликвидаторского толка на марксистскую эстетику типа Анри Лефевра (Франция), Романа Зиманца и Лешка Болковского (Польша), М. Сидоров делает вывод о необходимости ревизионизма на ревизионизм и международном масштабе. Это одна из насущных задач работников идеологического фронта в странах социалистического лагеря.

Но две статьи за четыре месяца — это очень и очень мало.

Редакция «Нового мира» поместила в первой книжке журнала острейшие заметки, разоблачающие реакционные, антисоветские выступления за рубежом (В. Стежак-

ский «Нипровергатель социалистического реализма из ФРГ» и Р. Фом «Что же остается стабильным «Экспресс»?). Нет нужды особо доказывать, сколь необходимы и своевременны статьи такого рода в борьбе против буржуазной идеологии. И очень жаль, что «Новый мир» больше не возвращается к критике «нигилистических» социалистического реализма; критике, которую, кстати сказать, хотелось бы видеть и на страницах других журналов.

В БОРЬБЕ с проявлениями ревизионизма в советском литературоведении впервые идет «Знамя». На его страницах опубликованы статьи Е. Суркова «Когда творит компас» (№ 2) и А. Макарова «Разговор по поводу...» (№ 4) (о ней уже говорилось в «Литературной газете»), выделяющиеся из ряда аналогичных работ приметами таланта и отличным публицистическим темпераментом; той доказательностью и последовательностью своих позиций, которые так существенны во всякой критике, во всяком идейном споре.

Е. Сурков, анализируя с авторами ряда статей в журнале «Театр» за 1957 год, зачастую выходит за пределы театроведения и высказывает интересные, хорошо аргументированные суждения по таким актуальным проблемам эстетики, как роль вдохновения и знания в процессе творчества; отличие художественного восприятия от натуралистического подражания в эстетическом осмыслении действительности. Жаль только, что в другой своей статье «Женя Шульженко, ее друзья и недруги» (№ 3), где тоже сказано немало верных слов о нигилистическом «направлении» нашей драматургии, критик не сумел достаточно точно и определенно охарактеризовать идейно-эстетические просчеты «Фабричной девочки» А. Володина, причины отхода автора от исторической и художественной правды.

О социалистическом реализме как художественном методе утверждения социалистической действительности гово-

ления, нивелирующими словами подулывает автор статьи, анализируя новые произведения таких ярких и своеобразных художников, как М. Шолохов и А. Твардовский. И не объясняется ли это упрощенным представлением о природе художественного образа, когда функции его сводятся лишь к иллюстрации мысли, а идейно-эстетический анализ подменяется схематическим обзором сходных тем и идей у различных художников? Читая статьи такого рода, еще раз убеждаешься, что нивелирующий подход к явлениям литературы приводит к утрате творческой индивидуальности и самого критика.

Казалось бы, что весь богатейший опыт нашего искусства неопровержимо доказал бесплодность нивелирующей схематизации. Однако на страницах журналов все еще можно встретить унылые статьи, в которых набор общих слов и шаблонных приемов заменяет взвешенное научное исследование литературного процесса. Возьмем, к примеру, статью А. Ходкова об Алексее Толстом «Писатель — патриот земли русской» («Нева», № 1). Все в этой статье правильно. И то, что А. Толстой «прошел долгий и трудный жизненный путь»; и то, что его «всегда волновали вопросы реализма и народности искусства»; и то, что «познание души народа, познание русского характера» «стало плотью его произведений»; и то, что, «говоря об А. Толстом, нельзя не сказать и о его выдающейся роли в развитии литературного языка». (Подчеркнуто мной.)

О. В.). Но странно, А. Ходков, добросовестно перечислив все это, не сумел ни создать живой образ Толстого, ни проанализировать тип сложившийся, который пришел писатель в стан социализма, — путь, который свидетельствует о величайшей притягательной силе нашей партии и озаренного идеями Ленина социалистического строительства. Как художественно, как бледна статья А. Ходкова в сопоставлении с яркими, талантливыми заметками о Толстом Н. Никитина в журнале «Звезда» (№ 1). Н. Никитин не руководствуется противопоставленной литературному анализу формулой «слова не складать», которую положил в основу своей статьи А. Ходков. И ему удается показать, что Толстой — писатель с богатым, своеобразным талантом.

О том, что литературоведческое исследование, критическая статья только тогда достигают своей цели, когда в них мы находим цельное изображение облика художника, характеристику его творческой индивидуальности, свидетельствует мастерски написанная статья Р. Чуковского «Реплика как писатель» («Нева», № 1). Зряно, во весь рост создан автором образ художника-народника, демократа по самой сути таланта. И, право же, стоит учиться у Р. Чуковского уметь писать литературные портреты с такой глубиной идейно-эстетического прозрения, с такой проницательностью современности.

УДАЛСЯ литературный портрет и И. Крамову, опубликованному в «Москве» (№ 2) отличной критико-биографической очерк о Давиде Риде — этом выдающемся писателе и борце. И. Крамов сумел показать, как Давид Рид нашел свое призвание на больших революционных дорогах мира; он создал образ передового американца, чья книга будет рассказывать новым и новым поколениям о революционном подвиге нашего народа, о великих днях Октября.

Статьи о прогрессивных явлениях зарубежной литературы должны занять надлежащее место в нашей журнальной периодике. В особенности это существенно сейчас, когда искусство социалистического реализма стало передовым направлением в мировом масштабе и объединяет художников таких различных творческих индивидуальностей и национальных традиций, как М. Шолохов и Л. Арагон, А. Твардовский и П. Неруда, А. Корнейчук и Б. Брехт; когда в условиях обострившейся идеологической борьбы многие художники — каждый своим особым путем — приходят в лагерь мира, демократии и социализма. Между тем в наших журналах крайне недостаточно освещаются эти, свидетельствующие о возрастающей силе лагеря мира, демократии и социализма, перемены в среде художественной интеллигенции. Можно по пальцам пересчитать статьи о зарубежной литературе, появившиеся за 1958 год в журнальной периодике. Тем досаднее, что некоторые из этих статей крайне неудачны. Мы имеем прежде всего в виду статью М. Толстоловой «Судьба героя и мировоззрение художника», Пу-

5-04018